

Размышления публициста

ПРЕДСТАВИТЬ НОВУЮ ЭПОХУ

...К концу жизни Пушкина в России уже строилась железная дорога. При Достоевском на улицах Петербурга вспыхнул электрический свет. А при Льве Толстом был уже кинематограф. Но Пушкин продолжал писать о станционных смотрителях, а герои Достоевского не задумывались над наступлением новой эры техники. И только в последние десятилетия, когда поток поразительных открытий человеческого разума проник во все сферы жизни, литература стала отзываться на эти всеобъемлющие изменения жизненного уклада.

Космические путешествия, гениальная инженерия, сверхзвуковые скорости, пересадка сердца, научно-техническая революция опрокидывают привычные и устоявшиеся понятия, открывают мир неслыханных возможностей, фантастически всемогущий, где обычный здравый смысл человека не может помочь представить новую эпоху.

Влияет ли это на литературу? А может быть, она остается суверенной? Недаром так много и часто обсуждается ныне взаимодействие НТР и литературы. Здесь слышатся самые разные суждения. Одни оценивают это влияние высоко, другие его отвергают, но характерен непрекращающийся интерес к этой проблеме. И этот интерес свидетельствует о том, что как бы то ни было, но, очевидно, художник в силу своей отзывчивости, в силу драгоценного своего качества удивления перед мощью человеческого разума ныне уже не может оставаться безразличным к этому яростно меняющемуся облику жизни.

За последние годы появляется все больше книг, где жизнь науки и ученых раскрыта с подлинной драмой идей, а мир лабораторий и институтов предстает в поэзии и романтике творческого труда. В еще большей степени это относится и к заводской жизни, к героям инженерной технической мысли. Это очень сложно — ввести читателя в производственные будни современного производства так, чтобы это было интересно, чтобы при этом не потерять человека. И более того, чтобы произошло открытие героя в его привязанностях и страстях, потому что настоящая литература всегда прежде всего связана с открытием нового характера.

Еще большей трудностью на этом пути становится, на мой взгляд, чрезмерное наше преклонение, робость, слепое восхищение перед успехами и силой этой самой НТР. Увлеченные ее достижениями, мы не хотим замечать потерь и ранений, которые приносит она. Даже когда мы полностью открываемся от этой революции, считая, что она сама по себе, а литература сама по себе. К сожалению, это не совсем так. Даже в наш старинный, казалось бы, неизменный труд писательства вторглась новая технология — и не самым лучшим образом. Мы не заметили, как по мере совершенствования полиграфии и издательского дела срок выпуска книги увеличился, и во много раз. Ныне, с того момента, как автор приносит рукопись издателю и до выхода в свет, проходят не месяцы, а два или три года. Казалось бы, новая техника, а эта техника не сократила сроков выпуска книг.

Сегодня автору уже не позволено править верстку. Отнято это исконное право, и можно подумать, что машина командует человеком.

Этот пример не случаен: странно сместилось все, и можно подумать, что не типография существует для писателя, а писатель для типографии.

Новая техника много дала человеку, но она далеко не всемогуща. Надо заметить, что наши классики всегда несколько проницательно относились к успехам науки и техники. Пушкин говорил:

Шоссе России здесь и тут,
Соединив, пересекут,
Мосты чужбинные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинув горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведем крещеный мир
На каждой станции трамв.

Критическое отношение отнюдь не умаляет значения технического прогресса, оно лишь помогает выявить его сильные, слабые стороны для общественной жизни, а главное, помогает понять роль искусства в этом прогрессе.

Мне кажется, говоря сегодня об успехах писателей, пишущих о деревне, надо учитывать, что у них, в их произведениях есть преимущество печали, гнева и любви. Слова Некрасова «кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей» заключают глубокую истину, что истинная любовь порождает и печаль, и гнев. Конечно, можно упрекнуть и деревенскую прозу в том, что идиллической печали там больше, чем деятельного гнева, но куда более этого упрека заслуживает так называемая городская литература, или рабочая тема, как угодно называйте. Она воспевает, она описывает борьбу за новое, она занята героическими подвигами, одолевающими стихию, но в ней так недостает боли и злости на то, как плохо мы иногда работаем, гневных чувств, которые мучают сегодня каждого че-

стного заводского труженика, когда он встречается с бесхозяйственностью, с воровством, с очко-вирательством, равнодушием, ложью. Одного гнева здесь недостаточно, одно обличение — это еще не искусство. Искусство требует, очевидно, еще и печали, и любви, в том числе и любви к городу, любви к заводу, к красоте и энергии заводской трудовой жизни.

Сила «Прощания с Матерой» Распутина в том, что любовь к земле предков и красоте родных мест порождает печаль и страдание...

Противоречие научно-технической революции состоит в том, что она высвобождает человеку время для отдыха, облегчает труд, но она незаметно приучает человека к прагматизму и делает его излишне расчетливым, рациональным. А нравственность далеко не всегда требует мотивации. Сострадание, отзывчивость к несчастью, чувство к старости, к обиде не могут быть мотивированы. И литература всегда сострадала к людям, казалось бы, мало что определяющим, униженным и оскорбленным, к людям, обиженым судьбой. Через это немотивированное сострадание человек находит в книге свою связь с другими людьми.

Правомерна любая причина, которая побуждает писателя к работе, и земная и неземная, и желание помочь крестьянину, и ненависть к расизму, и борьба с пьянством, и интерес к новым открытиям. Все оправдано, все достигает цели, если это литература, которая остается и перечитывается поколениями.

Разоблачение ханжества, пустоты жизни, социальной несправедливости — все это литература делала и делает. Но все больше и больше ощущается нужда в позитивных идеях. Не хватает книг о благородстве, о красоте человека, о высоких жизненных его идеалах. Несмотря на отвращающую силу литературы «дегероизации», потребность в любимом герое не изжитая, она растет.

Мы часто предпочитаем преодоление страданий, но великая роль литературы в том, что она не оставляет человека и тогда, когда он слаб и когда горе его безутешно. Мы вплотную столкнулись с этим, работая с Александром Адамовичем над «Блокадной книгой».

Техника окружающая изменяется быстро и все быстрее, а человек изменяется медленно. Он становится образованнее, он умеет обращаться с более сложными машинами. Посмотрите, каких рабочих сегодня выпускают ПТУ. Мы в Ленинграде особенно хорошо видим это, потому что на протяжении последнего десятилетия Ленинград стал как бы полигоном создания нового пополнения рабочего класса. Формируется рабочий нового типа, имеющий среднее образование, широкий профиль. Не завод готовит для себя рабочего, а государство готовит рабочего для промышленности. И вместе с тем это часто тот же подросток с его незащищенностью, неумением жить, чувствующий несоответствие между могучей техникой, которая его окружает, и миром своих страстей.

Интенсификация производства, а вместе с тем и жизни создает некий духовный вакуум. Появляется дефицит искусства — человек чувствует нехватку красоты, нравственности, и люди пытаются как-то уравнивать искусство недостающую духовность. Всегда ли может современное искусство выполнить это требование? Оно стремится к этому. Вот откуда в нашей прозе сегодня тяга к нравственным проблемам, к героям, исполненным внутренней жизни, к героям добра и мысли. Они хотят понять сегодня в этой жизни, несущейся на такой стремительной скорости, как жить, как любить. На что человек имеет право? И в этой потребности состоит великая роль нашей литературы и ее будущее.

Чем дальше будет развиваться научно-технический прогресс, тем больше, я уверен, будет нужна в искусстве. Может, сегодня книгу теснят телевидение, кино, легкая музыка, но все равно ничто не заменит человеку книгу. И чем далее, тем больше общество наше будет нуждаться в искусстве, в поэзии, в прозе, с их тайной, с их чудом воздействия, часто необъяснимым и единственным.

Представить новую эпоху... Заглянуть в день завтрашний... Многие сегодня мы уже научились видеть, думая о будущем, заботясь о поколениях людей, которые придут нам на смену. Собственно говоря, наш труд — рабочих и ученых, инженеров и писателей, сельских тружеников — труд всех советских людей устремлен в будущее, направлен на то, чтобы сделать жизнь краше. Широкие горизонты начертаны и в проекте Основных направлений экономического развития страны на одиннадцатую пятилетку и предстоящее десятилетие.

Надо мечтать... В этой ленинской фразе нам видится четкий образ мышления советского человека вообще, в том числе художника и писателя.

Даниил ГРАНИН.